

Константин КОРОЛЕВ

РАДИ ЭТОГО СТОИЛО ПРОГУЛЯТЬСЯ!

Р а с с к а з ы

Ситта

Улочка на глазах сужалась, и таксист отказался ехать дальше. Кажалось, в Тарфае¹ улицы вообще создавались не для удобства, а для мучений. Высадившись из такси и выгрузив вещи, мы с Алексеем решили разузнать у местного юноши, как, не блуждая долго, попасть в гостиницу. Отрок выглядел непритязательно: бейсболка, спортивный костюм, рваные кроссовки, желтые зубы. Он вызвался проводить нас до места. По дороге предлагал антиквариат, хвастал, что он местный авторитет, а в конце променада попросил денег.

Леха знал по-арабски только одно слово: «ситта»². Его он и произнес, показал шесть пальцев, после чего, порывшись в кармане, извлек пятирублевую монетку и вручил юноше. Тот потребовал добавить.

Леха сказал:

— Прокурор добавит, — но дал еще рубль.

Иногда нам удавалось всучить местным в качестве платы российские монеты, которые здесь скорее сошли бы за сувениры.

Но наш проводник не отставал и требовал с нас пять евро.

В ответ мы с Алексеем встали плечом к плечу, растопырив руки и заняв всю ширину улочки, и с рыком «Ты чего, пацан?» стали надвигаться на него. Парень явно такого не ожидал и тут же испарился.

В гостинице мы заплатили хозяину, бросили вещи в номере и присели в холле за столик, поджидая нашего друга Синана. На полке резного шкафа обнаружили шахматы, и мы рублились в них минут сорок. Синан появился к обеду. За трапезой договорились о планах на ближайшие дни: сегодня идем на экскурсию в историческую часть города, именуемую мединой³, а завтра с утра выдвигаемся в пустыню — в поход с палаткой на пару суток.

¹ Тарфая — небольшой город на атлантическом побережье в Марокко.

² Шесть (араб.).

³ Медина (араб.) — буквально «город». В Северной Африке так называют старые городские кварталы, построенные, как правило, в IX–X вв.

Наша гуманитарная миссия торчала в Африке с декабря. Врачи одного крупного московского НИИ испытывали в западноафриканских госпиталях систему удаленной диагностики, а мы с местными коллегами-телевизионщиками занимались «набором картинки» для документального фильма, а также освещением этих событий по ТВ.

Ранним январским утром мы пересекли Стену — границу Марокко и непризнанной республики Западная Сахара. Наш путь лежал в Мавританию.

Сразу за Стеной начинался другой мир — мир пустыни, «открытого космоса» на берегу Атлантического океана. Мы ехали вдоль русла высохшей реки по выбеленному солнцем песку, слева и справа изредка проносилась чахлая растительность.

Отъехав от границы примерно километр, водитель сделал регламентную остановку. Пока персонал нашей миссии бродил вокруг автобуса просто так, по делу или для селфи, в салон автобуса не спеша поднялся по ступенькам высокий человек в джинсах и пуловере. На голове у него был синий бурнус из тех, какие вам охотно продадут — втридорога — на любом африканском базаре. У человека была длинная черная борода, блестящие черные глаза и аристократический прямой нос.

Вошедший плюхнулся на сиденье рядом со мной, протянул руку и скромно напомнил:

— Синан, ваш друг.

Дело в том, что я с ним познакомился еще в начале нашего вояжа. Он ехал с нами в поезде от терминала Каса-Порт⁴ до центра Касабланки и по пути дал нам с моим товарищем несколько весьма ценных советов. То, что теперь я встретил его в нашем автобусе, да еще и к западу от Стены, значило, что он будет сопровождать нашу группу в качестве куратора. Врачи и другие специалисты нашей миссии, увидев чернобородого, ничуть не удивились, как будто так и надо было.

По-английски Синан говорил неохотно. Испанский же у нас с ним был примерно на одном уровне, поэтому он частенько использовал меня как толмача. Говорил он вещи обыкновенные, но при этом награждал каждую деталь смешными, гиперболизированными эпитетами, и я, давась от смеха, переводил его речь соотечественникам, начиная каждый раз с обращения «товарищи!» и щедро сыпя словами-паразитами вроде «в общем-то» и «например».

Выглядел наш друг Синан молодо, но при этом частенько повторял:

— *Entonces, estando en la altura de mis cuarento...*⁵

Допив кофе, мы дружно вышли на улицу и направились в центр города. Экскурсоводом был Синан. Наша компания, потолкавшись в узких улочках, вырुлила на площадь с красивыми узорчатыми воротами. За их арками шумел вещево́й рынок, где продавались одежда и ткани неплохого

⁴ *Каса-Порт* — железнодорожный терминал, станция Марокканской национальной железной дороги в г. Касабланке.

⁵ И вот, с высоты моих сорока лет... (исп.)

качества, сувениры, бижутерия, зажигалки, журналы, часы и прочие мелочи — приметы недавнего колониального прошлого. Чуть дальше торговали фруктами и овощами под открытым небом. Мы купили несколько огромных мягких манго и пару грейпфрутов.

Когда мы шагнули в тень медины, атмосфера изменилась. Здесь пришельца обволакивали ароматы восточных специй и кофе, манил запах жареной рыбы, заставляла морщить нос вонь от разделяваемого мяса и птицы... Каждому, кто хотя бы раз побывал на восточном рынке, знакома эта смесь. Кроме еды, здесь продавались кожаные куртки, тапки-бабуши, украшения и, конечно, джелябы⁶ на любой вкус и цвет.

Пример того, как следует торговаться на Востоке, подал нам наш друг Синан, зайдя в лавку с джелябами и сбив первоначальную бессовестную цену до умопомрачительно низкой. Мы с Лехой смотрели и учились: перенимали приемы и интонации. Посещение медины на глазах превращалось в увлекательный квест. Нам даже пришлось спеть хором в лавке музыкальных инструментов, и хозяин записал наше пение на смартфон, чтобы включать как рекламу. Это было затеяно ради того, чтобы Синан смог недорого приобрести местную флейту — гасбу.

Наш дальнейший путь лежал мимо снулых куриц, которых рубили тут же, при покупателе, мимо харчевен, где подавали мясо и вездесущий таджин⁷, мимо попрошаек и продавцов дрессированных животных. Свернув в очередной проулок, мы попали в древнее медресе, где в центре выложенного мозаичной плиткой зала бил фонтан, а стены украшал резной орнамент.

Побродив по старинному торговому лабиринту, мы остановились у лавки с сувенирами. Там царило оживление. Большая компания иностранных туристов окружила продавца, явно собираясь разжиться сувенирами.

— Чтобы научиться торговаться как подобает мужчинам, давайте, прежде чем купить товар, попробуем продать товар! — важно изрек Синан.

— Как у нас говорят, — сказал я, — на рынке два дурака: один дешево продает, другой дорого покупает, и каждый думает, что он умнее другого!

Отсмеявшись, Леха порылся в своей сумке, извлек грейпфрут и предложил молодой парочке японцев купить его. Японцы, кланяясь и не поднимая глаз, согласились. Они приобрели грейп за пять евро, не торгуясь, и тут же устроили с ним фотосессию. Синан захлопал в ладоши: урок торговли мой товарищ усвоил неплохо.

— А почему ты с них запросил пять евро? — поинтересовался я у Лехи.

— Так у нас же гопник, который до гостиницы провожал, столько просил. Похоже, тут все со всех берут пять евро, — простодушно объяснил Алексей.

⁶ Джеляба, джеллаба (араб.) — длинная одежда, платье или туника, которую носят мужчины и женщины в арабских странах Африки.

⁷ Таджин — здесь: блюдо из мяса и овощей, популярное в арабских странах.

Наш звездный рыночный час настал, когда я углядел металлический чайник с красивой чеканкой. Чаевничать мы любили, и он нам в поездке очень пригодился бы. Разливать из такого чай на биваке гораздо приятнее и удобнее, чем из котелка. Крышка чайника крепилась к нему подвижной петлей и, когда чайнику давали, выражаясь флотским языком, «дифферент на нос»⁸, не падала, а оставалась на месте.

В общем, нам позарез нужен был этот чайник.

Следуя первому правилу, изложенному Синаном, сначала следовало пройти мимо лавки, ничем не выдавая свою заинтересованность. Так мы и сделали. Синан притворился, что мы с ним незнакомы, и встал у витрины с джезябами. Тут же из-за вешалок с одеждой выглянула стройная девушка в длинном платье и завела с нашим другом оживленную беседу. Мы с Лехой поняли, что покупка чайника — это своего рода экзамен, где нам не будут ничего подсказывать.

Мы два раза продефилировали мимо туда-сюда, после чего остановились напротив прилавка с вожденным чайником, но на сам чайник не смотрели, стараясь не выдать, что нас интересует именно он.

Алексей взял в руки металлическую сову и стал ее пристально изучать. Продавец приподнялся из-за прилавка:

— Саям алейкюм!

— Алейкюм ассаям, почтеннейший! — закатив глаза, произнес я как можно более елеяно.

Продавец взглянул на меня как на идиота. Он, мягко говоря, казался не слишком приветливым. Из-под бурнуса смотрело недоброе лицо с угрюмыми черными глазами и шрамом непонятного происхождения, тянувшимся от виска к шее.

Откуда-то из недр лавки выпрыгнул юноша в спортивном костюме и кепке.

— Оба-на! Какие люди — и без охраны! — невольно выпалил по-русски Леха.

Это был уже знакомый нам местный гопник: именно его мы турнули утром у рида⁹, когда он клячил пять евро.

При виде нас юноша несколько смутился, но тут же начал лопотать на ломаном английском, обращаясь к Алексею:

— Это очень древняя берберская сова! Стоит пятьдесят долларов...

Зная Лехину обычную прямолинейность, я испугался, как бы чего не вышло. Однако мой спутник, обнажив в улыбке крепкие зубы, перевернул сову и показал юнцу клеймо на лапе: «Made in China»¹⁰.

— Сова современная! — процедил Алексей по-русски. — А обманывать покупателей нехорошо.

Мы отошли от лавки, приняв максимально оскорбленный вид. Через семь шагов нас догнал юнец и, виновато глядя на песок под ногами, назвал новую цену — пятнадцать долларов.

⁸ *Дифферент на нос* (морск.) — продольный наклон судна, когда осадка носом больше, чем осадка кормой.

⁹ *Рид* — восточная гостиница, постоялый двор.

¹⁰ «Сделано в Китае» (англ.).

— Халас!¹¹ — отрезал я.

Юноша с совой вернулся в лавку, где ему тут же влетело от продавца со шрамом.

Минут через пять, выпив местного фруктового пойла в соседнем павильоне, мы снова подошли к лавке. Продавец со шрамом пинком выставил своего юного помощника вон, повернулся к нам и ощерился, изображая любезную улыбку. Я взял в руки один чайник, потом другой, потемнее и побольше... Повертел в руках, поставил на место... Наконец, посчитав, что пришло время для решительного торга, взял тот, который хотел купить, и поднял скучающий взор на продавца.

— Тысячу дирхамов! — сообщил тот, не переставая щериться.

Я тут же поставил чайник и сказал, что, после того как мы увидели, что сова произведена в Китае, мы не можем быть уверены, что чайник сделан здесь. А хочется на память купить что-нибудь местное... В общем, двести дирхамов.

Продавец заявил, что он, так и быть, готов продать чайник за семьсот пятьдесят пять дирхамов, хотя это будет ему, продавцу, в убыток.

— За сто пятьдесят мы готовы купить! — вмешался на английском Алексей.

Продавец с видом оскорбленного достоинства забрал чайник из моих рук и водворил его на пыльную полочку примерно на уровне моего плеча.

Леха, помня инструкции Синана, развернулся и дернул меня за рукав. Мы снова пошли к павильону с напитками, чтобы залить в себя по стакану выжатого при нас сока. Однако торговец соками, видя наш интерес, поднял цену и теперь показывал два пальца вместо одного.

— Убью! — тихо зарычал Леха по-русски.

Я хотел вмешаться, зная буйный нрав приятеля, но в этот момент кто-то дернул меня за рукав. Я обернулся. Лицо со шрамом совсем не хотело терять таких перспективных покупателей, как мы с Лехой. Продавец держал в руках чайник и калькулятор. Калькулятор он протягивал мне. На табло были цифры: «555». Я понял, что это цена за чайник.

— Не-не! — сказал я, одновременно ища глазами Алексея. — Почтенный, при всем уважении, ваша лавка ведь не единственная в медине!

Леха в это время, не прекращая улыбаться, ухватил за руку торговца соками и силой загнул ему средний палец обратно в кулак. Указательный палец смотрел в небо. Торговец кивнул и смиренно налил нам сока по дирхаму за стакан.

Продавец со шрамом тянул меня за рубашку в сторону своей лавки. Леха тем временем расплатился, взял оба наших наполненных стакана, и так мы проследовали к продавцу чайников и сов.

Мы сбивали цену. Мы взывали к небу, чтобы оно наказало жадного торговца. Мы брезгливо плевали под ноги и три раза демонстративно уходили. Каждый раз продавец выбегал из-за прилавка, догонял нас, доставал из складок джелябы калькулятор и набивал на табло все более низкую цену.

¹¹ Разговор окончен! (араб.)

Синан стоял неподалеку и в процесс не вмешивался.

Прошло минут сорок...

Вертя чайник в руке, я зачитывал продавцу речитативом «В лесу родилась елочка». Леха, который к этому времени завладел калькулятором, после каждого куплета набирал на нем число еще на пятьдесят дирхамов меньше.

Однако ниже двухсот дирхамов продавец цену сбивать не желал.

— Пойдем пройдемся до медресе и обратно, типа мы совсем уходим, — сказал мне Леха. — Сил уже нет бубнить! Пусть дядька немного подумает о своем поведении.

Около медресе были мясные ряды и еще одна лавка с сувенирами. На полке маячил точно такой же узорчатый чайник, как и у продавца со шрамом.

— Я зайду один, — сказал Леха.

— Ты же не знаешь ни арабского, ни испанского, — возразил я.

— Да и бог с ними! — отрезал Леха. — Стой снаружи и не мешай!

Я вздохнул и стал прислушиваться к диалогу в лавке.

— Салям алейкюм! — приветливо протянул продавец.

— И вам не хворать! — по-русски буркнул Алексей и сразу взял в руки чайник.

— Наш мастер трудился над этой вещью целую неделю, — засуетился хозяин лавки. — Специально подбирал материалы, заказывал детали. И даже узоры сам придумал... С вас тысяча дирхамов.

Леха, конечно, не понимал ни слова. Он стоял спиной ко мне, лицом к продавцу и, судя по всему, сверлил того взглядом. И сопел.

— Гм... Ну да... Что поделаешь, разные вещи приходится продавать... — Продавец теперь как будто извинялся. — Э-э-э... Девятьсот дирхамов.

Леха, не произнося ни слова, только продолжая угрожающе сопеть, перевернул чайник и указал на доньшко.

— Да, действительно... Сделан в Китае. Наш мастер сделал этот чайник в Китае, он там учился ремеслу, — заверещал продавец. — Семьсот пятьдесят дирхамов. Ловко вы углядели! В наше время редко встретишь ценителя хороших вещей!

Леха сопел, топтался на месте и пристально смотрел на него.

Минут через пять, когда продавец, сбросив цену до двухсот пятидесяти дирхамов, разразился очередным монологом, Леха поднял над головой обе руки, показал шесть пальцев и многозначительно произнес:

— Ситта!

Продавец поперхнулся словами, уважительно посмотрел на него, кивнул, молча принял купюру в десять дирхамов и отсчитал четыре монетки сдачи. Леха улыбнулся, спрятал чайник в сумку и кивком позвал меня в лавку.

Продавец самолично налил нам чаю в маленькие стеклянные стопочки и предложил по леденцу. Мы сгрызли леденцы, выпили чай, выслушали от хозяина благодарность за то, что доставили ему удовольствие, и, найдя нашего друга Синана, отвалили по вечерней прохладе в отель.

Африканская рулетка

Артем хотел вытереть пот и поднес руку ко лбу. Тыльная сторона ладони ударилась о забрало шлема. Согласно инструкции, деминёру, который находится в минном коридоре, категорически запрещено поднимать прозрачный щиток, прикрывающий лицо. Артем остановился и помотал головой влево-вправо. Глаза невольно сфокусировались на носу. Мотнул головой еще раз — и картинка, которую он видел сквозь забрало, обрела нормальную резкость. Дышалось тяжело, как под конец пятикилометрового забега. Вода во фляге давно закончилась.

Оставался час до захода солнца. Потом в этих краях резко и непроглядно темнеет.

Вперед, насколько хватало глаз, тянулась песчаная взлетная полоса. Где она заканчивалась и начинался обычный для этой части Африки пустынный ландшафт, определить было невозможно.

Артем провел металлоискателем «Валлон» слева направо. Потом сместил прибор чуть вперед и пронес кольцо детектора справа налево в трех сантиметрах над песком. Таким образом он «прозвонил» участок взлетной полосы площадью метр на метр. Наклонился, подобрал лежавшую поперек пути круглую пластиковую штангу, на каждом торце которой было накручено по рулону киперной ленты. Размотал киперку и переместил штангу на метр вперед. Затем сделал шаг и остановился, касаясь ее мысками ботинок.

Слева и справа от него вдоль взлетной полосы змеились по песку две красно-белые ленты. Если приглядеться внимательнее, в каждом белом сегменте на киперке можно было разглядеть череп и надпись по-арабски: «Кэф!»¹² Киперной лентой деминёр обозначает коридор, который уже проверен и в котором могут спокойно перемещаться другие люди. Все, что лежит снаружи, за лентой, таит в себе смерть. Кстати, у каждого деминёра помимо лопатки, щупа и маркеров с собой еще и садовые ножницы — на случай встречи с дикорастущим кустарником.

Задачу Артема усложняло то, что работать надо было в синем бронике с защитой паха — «ракушкой» и в шлеме с забралом. Кроме того, на жаре очень хотелось пить, а командование в последние дни по неизвестной причине сократило дневную норму воды в полтора раза...

Я напросился с Артемом в коридор, клятвенно пообещав, что буду со своей репортажной камерой держаться в безопасных пределах и на почти-тельном расстоянии. Для получения официального разрешения на съемку требовалось пройти инструктаж у начальника аэропорта.

Начальником был полненький араб с пышными усами и хитрющей ухмылкой. От подчиненных он требовал, чтобы его именовали «командор». Он прибыл на служебном внедорожнике оливкового цвета и объяснил мне по-английски то, что я и так уже знал: ни под каким видом нельзя перешагивать границы безопасной зоны и выходить на

¹² Стой! (араб.)

неразминированный участок взлетно-посадочной полосы. Я послушно повторил все слово в слово, и командор, удовлетворившись этим и угостив меня конфетой, удалился. Конфета на жару успела растаять, и я, не разворачивая обертку, прикопал ее в песке.

Буровить камерой Тёмину спину мне было ни к чему, а обойти его и снимать спереди не полагалось по протоколу безопасности. Хорошо, что накануне, в выходной, я провел пару часов на солнце и запечатлел, как инструкторы объясняют и показывают на безопасном участке местности алгоритмы разминирования. Картинка для будущего документального фильма, в сущности, была уже набрана.

Мы с Артемом прошли всего ничего — метров сто пятьдесят. К счастью, эти полторы сотни метров были чистыми и от металла, и от возможных взрывных устройств.

Если металлодетектор среагировал на что-то, то после первичной идентификации неизвестного предмета деминёр оставляет на этом месте яркий, бросающийся в глаза маркер и отваливает по коридору к исходной точке. На исходной он создает следующий коридор, левее или правее. Таким образом, путаница и простой исключены. Потом к отмеченным местам должны прийти подрывники и всё взорвать.

С востока потянуло холодком. День догорал, и свет быстро уходил. Я выключил камеру и в три шага догнал Артема. Услышав звон рынды, продублированный тремя автомобильными гудками, — сигналы, возвестившие окончание работ, — мы оба облегченно вздохнули. Тёма выключил и положил на песок «Валлон», снял с себя ранец и достал оттуда плоский камешек. Им он придавил к песку штангу с киперками, чтобы не сдуло ветром. Сложил металлодетектор и прицепил к оттяжкам своего ранца: привык, чтобы руки были свободными.

Мы решили пробежаться до лагеря наперегонки. Главное при беге трусцой в сумерках было не свалиться на финише в калибровочную яму, в которой деминёры перед выходом «в поле» настраивали свои «Валлоны».

Лагерь состоял из временных строений, в которых и ютились «разминёры», как они сами себя называли. Командование миссией и подрывники обитали далеко от места проведения работ. В подрывниках возникала необходимость, когда кто-нибудь из деминёров обнаруживал предмет, похожий на неразорвавшийся снаряд или мину. Но такое случалось редко.

Мы не успели пробежать и пары десятков метров, как у нас над головами раздался шум. На наших глазах на неразминированный участок поля, как призрак, приземлился одномоторный среднеплан серого цвета без опознавательных знаков. Это, очевидно, была либо вынужденная посадка, либо отработка алгоритма по выполнению такой посадки при отказе двигателя: рокота, какой издает движок, слышно не было.

Видимо, заподозрив, что здесь, на поле, что-то неладно, пилот выбрался из самолета и стал размахивать руками, призывая на помощь.

— Ну не идиот ли! — в сердцах сказал Тёма.

Самолет и пилот находились на «мертвой», неразминированной территории, далеко за пределами киперной ленты. Один неверный шаг — и...

— Стой! Don't move! — завопил Артем и вскинул над головой скрещенные руки. — Стой там, дурак! — Он обернулся ко мне: — Крикни по-ихнему, чтоб оставался на месте!

— Кэф! Кэф хуна... дурак! — проорал я, судорожно прикидывая, какой язык может понимать пилот.

Кричать «кэф хуна» в этой ситуации было дикостью. С такой просьбой обычно обращаются к шоферу автобуса или машины. «Кэф хуна» означает «остановите здесь». Мне часто приходилось ездить с водителем на съемки, и фраза сама всплыла у меня в голове в тот напряженный момент.

Пилот находился в двухстах метрах от нас. Он приложил ладони к ушам, показывая, что не слышит.

Артем снова поднял руки над головой и скрестил их. Потом показал пальцем на песок. Как мог, изобразил двумя руками взрыв.

Летчик недоуменно пожал плечами, достал из кабины колодки и поставил их под шасси. Потом закрыл сдвижную часть фонаря и... решительно направился в нашу сторону по неразминированному участку взлетно-посадочной полосы!

Мы с Артемом в два голоса кричали ему на разных языках, чтобы он не подходил. Но он упрямо пылил к нам, засунув руки в карманы. К тому времени, когда он подошел, мы успели охрипнуть.

Это был усатый араб лет тридцати в зеленой рубашке с эмблемой ВВС, пришпиленной к клапану кармана булавкой, в зеленых штанах и сандалиях на босу ногу. Он как ни в чем не бывало перешагнул через киперку, поздоровался на хорошем испанском и осведомился, как у нас дела.

Я сказал, что аэродром заминирован. Он оглянулся и показал рукой на свои следы: мол, прошел же! Потом широко улыбнулся и спросил меня:

— К'тб б'ль араби?¹³

— Швайя-швайя¹⁴, — честно признался я.

Размахивая руками и показывая пальцем то на меня, то на Артема, пилот принялся на арабском объяснять, что ему надо. Я ничего не понял и попросил повторить на испанском. Летчик вздохнул, повторил на испанском и на всякий случай продублировал слова пантомимой. Он развел мои руки в стороны, показал на меня и сказал:

— El avion¹⁵.

Потом схватил меня за одну руку и стал толкать так, чтобы я двигался спиной назад. Стало понятно, что он просит нас дотолкать самолет до конца полосы.

Артем повернулся ко мне:

— Нам нельзя туда. И ему нельзя. Там могут быть мины! Переведи ты ему, пожалуйста!

Я перевел. Пилот задумался. Артем достал пластиковую бутылку с водой и предложил ему. Пилот взял бутылку, высоко поднял ее и, не касаясь губами горлышка, сделал пять огромных глотков. Вернул бутылку и в знак благодарности приложил ладонь к груди.

¹³ Говоришь по-арабски? (араб.)

¹⁴ Чуть-чуть (араб.).

¹⁵ Самолет (исп.).

Я еще раз повторил про мины. Араб поблагодарил, откланялся и вразвалочку направился по своим следам к самолету, напевая популярную песенку. Руки он опять держал в карманах. Мы проводили его взглядами, не зная, что предпринять.

Но это было еще не все.

Наш гость преодолел примерно половину пути, когда на заминированный участок поля преспокойно выехал лендровер начальника аэропорта. За рулем был сам командор. Машина неторопливо проплыла между заправочной колонкой и перронами и приблизилась к пилоту. Я не верил своим глазам. Начальник аэропорта выскочил из машины и поздоровался с летчиком за руку. Минут пять они болтали, после чего оба прыгнули в машину и покатали к самолету. В четыре руки они вытащили из-под шасси колодки и развернули самолет на сто восемьдесят градусов. Я напряг зрение и разглядел марку: это была четырехместная «Соката Ралли», армейская версия.

Командор и пилот долго трясли друг другу руки, после чего лендровер пропылил по заминированной части аэродрома в сторону административных строений, а пилот забрался в кабину и запустил двигатель. Вскоре воздушное судно, пробежав по полосе, оторвалось от земли. Набрав высоту, оно прощально покачало крыльями. Через несколько минут самолет превратился в точку, а потом и совсем растворился в вечернем небе.

Солнце быстро закатывалось за горизонт, стало заметно холоднее.

— Надеюсь, этот парень все понял и больше на наш аэродром заходить не будет, — сказал я, чтобы прервать затянувшееся молчание.

— Как бы не так! — хмыкнул Артем. — Он чуть ли не каждый день сюда прилетает. Привозит контрабанду для командора.

Ради этого стоило прогуляться!

Населенный пункт, куда мы приехали, был беднее некуда. Связь ловилась еле-еле, интернет отсутствовал. Даже телевизора ни у кого не было. Центр поселка составляли кривоватые асимметричные строения, которые, впрочем, внутри выглядели более уютными, чем снаружи.

Над парикмахерской и двумя салонами красоты торчали самодельные таблички с незамысловатой рекламой. Над цирюльней нависал нарисованный баллончиком бородатый мужчина, похожий на мутировавшую в результате близкородственного скрещивания обезьяну. Над салонами красовались тяготеющие к абстракции портреты пухлых и губастых дам в платках.

Приставишь руку к глазам — и видишь, как сверкают верхушки белых минаретов с государственной эмблемой: на шпиге звезда, под ней полумесяц рогами вверх. Отнимешь руку от глаз — и добавляются свежие впечатления: сетки на окнах, покосившиеся дверные косяки в раскрашенных яркой краской жилищах. Кривые деревянные двери на засовах, навесные амбарные замки расписаны вязью. Местные сплошь в белых или голубых одеждах, которые они называют «хуба». Лица у тех,

кто постарше, закутаны яркими платками — бурнусами. Нестройные ряды одноэтажных домов песочного цвета с ромбическими узорами. Куча брошенных прямо на улице гниющих и ржавеющих машин. Рядом с их почерневшими остовами навален металлолом, который исполняет роль ограды.

Пассажирский автобус отсюда до ближайшего города ходил раз в три дня «по обещанию». Это было разноцветное нагромождение металлолома, собранное из самых разных, подвернувшихся кому-то под руку запчастей. Каждый раз оно под завязку, в несколько ярусов, наполнялось людьми и скарбом. Когда мы впервые подъезжали к селению, это ржавое авточудище как раз отчаливало, заметно кренясь на левый борт: некоторым пассажирам пришлось ехать снаружи на подножках.

За окраиной селения простиралась пустыня — песок да камни, чахлые растения и редкие кривые деревья. Жилища на окраине были убогие, разрушенные и обвалившиеся, с натянутыми везде бельевыми веревками, на которых сушилось разноцветное тряпье. В одном из таких зданий, практически примыкавшем к мусорной свалке, и разместились мы с Синаном. Даже когда мы находились под крышей, песок все равно скрипел у нас на зубах, набивался в волосы, делая голову и мысли тяжелыми, умножая усталость.

Наш друг и куратор Синан, которого местные сразу признали «суффием», развил бурную деятельность. В первые же дни пребывания в этом населенном пункте мы устроили что-то вроде полевой кухни, и она быстро стала центром притяжения всего местного «бомонда». Соорудили здоровенный навес, закрепив тент оттяжками, перенесли под него емкости с водой, мешки с провизией и баллоны с пропаном (по-местному — «цилиндры»), установили газовые плитки. Вокруг провианта и горелок тут же собрались местные хозяйюшки, которые за плату в виде еды и продуктов готовы были помочь с готовкой. Трехразовое питание для всего личного состава миссии, а также для местных было обеспечено в рекордно короткие сроки. Солдат и специалистов кормили лучше, местных — похуже, но регулярно. Раз в неделю, когда продукты заканчивались, приезжал микроавтобус и оттуда выгружали мешки с картошкой, пакеты с мукой и прочий провиант.

Медики квартировали в местном «как бы госпитале», а прочий персонал — в обычно необитаемом полуразрушенном крепостном сооружении из рыжей глины, которое местные называли «кзар»¹⁶, а пришлые — «касба»¹⁷. Высокие пирамидальные постройки кзара не сохранились, однако стены были высотой шесть футов в самом высоком месте и фута два там, где глина искрошилась или зияли рукотворные проломы. Когда на землю падала ночь, уставшие за день специалисты собирались на песке в развалинах, где много лет уже никто не жил, разжигали костер и готовили кофе или традиционный сладкий чай с обязательным листиком мяты.

¹⁶ *Кзар, ксар* (араб.) — укрепленный, защищенный стеной поселок.

¹⁷ *Касба* (араб.) — крепость с башней.

Я проснулся, когда в наше с Синаном скромное гнездо пожаловал без стука координатор нашей маленькой гуманитарной миссии. Он осведомился, не собираемся ли мы сегодня переместиться «немного севернее» — в ближайший город, так как в этой местности интернет отсутствует, а ему, координатору, надо поддерживать связь с коллегами по электронной почте. Автобус, на котором местные обычно добираются до города, должен был прибыть еще вчера, однако по какой-то причине не прибыл.

Наш друг Синан был уже на ногах. Он предложил гостю кофе и кусок еще не зачерствевшего багета. Пока гость жевал и пил, Синан вежливо сообщил, что в город мы если и собираемся, то дня через два. Ведь в этом забытом богом селении мы остановились не по чьей-либо прихоти, а для ремонта внедорожника.

Гость поперхнулся кофе и сделал такое лицо, что Синан тут же уточнил:

— Но если случится что-то из ряда вон, то можно и сегодня...

Через полчаса после визита координатора в наше расположение пожаловал один из местных «табибов» — врачей, смуглый араб в выгоревшем на солнце пиджаке на два или три размера больше, чем требовалось. К моменту, когда он в шестой или седьмой раз вежливо покашлял и деликатно поскребся в дверь, я уже выпрыгнул из спальника и натягивал штаны, прыгая по комнате. Врача тоже интересовало, поедем ли мы сегодня «ближе к столице». Ему надо было «срочно осведомиться в мировой Сети по поводу очень важных новостей в мире медицины» (так и сказал). С интернетом в Мавритании были проблемы, и чем ближе к столице находился населенный пункт, тем больше была вероятность, что там можно найти интернет-кафе.

Синан и ему предложил кофе и обещал, что подумает.

Арабы братья Зархисы церемоний не разводили. Они ввалились в нашу «нору» в тот момент, когда Синан пытался раскопегарить мою мультитопливную горелку. Кофе он успел заварить в джезве, и по помещению распространялся манящий аромат.

— Короче! — начал старший брат по имени Хикмат.

— Надо в город! — закончил второй брат, по имени Абду, и закурил сигарету.

Синан наполнил бумажный стакан свежесваренным кофе и протянул им. Братья поблагодарили, в два богатырских глотка уничтожили содержимое и вернули стакан обратно.

Хикмат был выше Абду и брил лицо. Ходил он в брюках и белой майке. Дома его ждали жена и трое детей. Абду носил усы, как и положено человеку, отслужившему в армии, одевался опрятно, хотя женат еще не был. Синан уговорил старшего нашей группы принять братьев на баланс в качестве ассистентов оператора, поручившись, что с ними не будет проблем. И действительно, оба вели себя как природные господа, и местное население их так и воспринимало. Дело в том, что выше по статусу в этой стране считаются те, у кого кожа более светлая, а происхождение — более арабское. К сожалению, рабство как явление все еще встречается в некоторых районах Западной Африки.

— Какое сегодня число? — спросил меня Синан, когда мы наконец уселись, скрестив ноги по-турецки, на пол перед низким столиком, чтобы позавтракать.

Я ответил.

— Придется брать этих господ и ехать! — сказал Синан.

Кофе у нас закончился, и мы принялись рыться в пакетах в поисках чего-нибудь на замену. Обнаружились сравнительно свежий длинный багет, местный зеленый чай в пакетиках, сахар в коробке, зелено-желтые квадратные упаковки мате, а также завернутые в вощеную бумагу стеклянная стопка и трубочка для питья последнего. Кроме того, нашлись две банки консервов с этикеткой «халяль»¹⁸ и сладкое на десерт.

Синан поставил на горелку металлический чайник и занялся распаковкой мате и пересыпанием сушеной зеленой травы в красную жестяную баночку, найденную в соседнем доме. Когда вода в чайнике еще не закипела, но уже стала шуметь, он зачерпнул ложечкой сахар из коробки и кинул в чайник. Вода побелела — значит, температура что надо. «Суфий» насыпал мате в стаканчик, заварил водой из чайника, опустил туда металлическую трубочку для питья, сделал глоток и передал стаканчик мне. Когда посудинка пустела, мы доливали в нее горячую воду.

Наконец, покончив с завтраком, мы выбрались из прохлады помещения в февральскую африканскую жару.

Под нашим служебным внедорожником «М 175» торчали две черные ноги в тапках. Ноги принадлежали водителю, который заодно выполнял функции механика. Около автомобиля стояли и курили местные старики в светлых джелябах и бурнусах. Совет старейшин выглядел озабоченным. Нам сообщили, что машина на ходу, но нужны запчасти, а найти их можно исключительно в городе.

Синан сказал, что поговорит с начальством и примет решение.

Видно было, что желающие ехать в город очень переживают: координатор, механик, братья Зархисы и доктор стояли поодаль под навесом, нервно дымили сигаретами и что-то оживленно обсуждали. Поскольку самым старшим среди присутствующих был Синан, а я числился приближенным к нему, то на него и на меня посматривали с надеждой.

Когда я выходил из импровизированной уборной, ко мне подошел «табиб» и, пряча ладони в карманах своего выцветшего пиджака, начал:

— Вы знаете... Вода тут не очень хорошего качества... Можно даже сказать, очень вредная! А вот в городе чистая вода. Там стоят установки для фильтрации, и от той воды плохих последствий для здоровья не будет. Кроме того, там есть «Макдональдс». Если мы поедем, вы сможете нормально пообедать. И мы сможем пойти туда вместе с вами, и все будут довольны...

Я покивал и поблагодарил за заботу о моем здоровье.

¹⁸ «Дозволяется исламом» (араб.).

— Послушайте, — сказал я Синану, — придется нам ехать в этот город, иначе они не отстанут!

— Вот и хорошо! — ответил мой спутник. — Берем канистру с водой и грузим в машину.

— В какую машину? — не понял я.

— В «кайзер», который стоит около парикмахерской! — ответил Синан.

«Кайзером» тут именовали наш «М 175». Впрочем, других машин в этом населенном пункте не наблюдалось, если не брать в расчет ржавеющий на улицах металлолом.

— Он же сломан! — Я удивленно поднял брови.

— Ну не так уж и сломан... — Синан соорудил такую хитрющую мину, как будто торговался на рынке: левая бровь выше правой, уголок рта иронично приподнят.

— Ладь! — сказал я и взялся за ручку канистры с водой.

Синан схватился за вторую ручку, и мы, стараясь идти в ногу, поковыляли к машине.

Там уже стояли координатор, оба брата-араба, доктор в пиджаке и черный местный водитель.

Перед отъездом Синан велел подкрепиться по-взрослому, прихватить еду и небольшой тент, который все равно валялся без дела. Рюкзак с горелкой, нашими спальниками и котелком я тоже взял с собой. Потом мы с Абду и Хикматом потратили минут пятнадцать, собирая пустые пластиковые бутылки для воды. Мы их никогда не выбрасывали и всегда наполняли заново, отправляясь в дорогу. Воды много не бывает, особенно в пустыне.

Когда сборы закончились, мы загрузились в машину, водитель сел за руль, и наше путешествие началось. Несмотря на песок, который скрипел на зубах, как абразив, я был счастлив. На маршруте я всегда испытываю душевный подъем. Голову я замотал платком, оставив только глаза, которые были защищены очками. Запотевая, очки немного искажали пропорции предметов, но это никак не уменьшало мою радость от движения по пустыне. Несмотря на жару, пить мне пока не хотелось. Я уже привык к питьевому режиму и приучился не пить на марше. Все равно от воды толку не было: она быстро выходила с потом, почти не утоляя жажды.

Наша бензиновая колесница катила на северо-восток под голубым африканским небом. Было тесно, но учитывая то, что все друг друга более-менее знали, дискомфорта не чувствовалось. Машина подпрыгивала на камнях, пыль в кузове поднималась и оседала. Абду сидел на коленях у своего брата, и они умудрялись курить одну сигарету «Альгамбра» на двоих, не причиняя ожогов друг другу и окружающим.

Город сначала долго маячил на горизонте, а потом наконец стал приближаться. Экипаж нашей колесницы оживился, братья затянули песню своей любимой певицы Файруз. Песня была незамысловатая и очень красивая:

Х'ббейтак б'ль саиф,
Х'ббейтак б'ль щети,
Наг'ртак б'ль саиф,
Наг'ртак б'ль щети...

Перевод крутился вокруг измены любимой любимому — или наоборот, я не разобрал — и вокруг времен года. «Аль саиф» — по-арабски «лето», «аль щети» — «дожди», стало быть, «зима».

На одном из гребней наш внедорожник в очередной раз подпрыгнул и приземлился, после чего мотор неожиданно заглох. Пару метров машина прокатилась по инерции, а потом встала. Минут сорок механик пытался оживить двигатель, но тщетно.

У открытого капота собрался консилиум. Прошло еще полчаса, но, увы, и коллективные усилия не увенчались успехом.

Синан предложил раскинуть тент, прицепив его к крыше внедорожника, и подождать под ним, когда сядет солнце. Но команда была категорически против этой идеи. Все жаждали к закату оказаться в городе. Синан пожал плечами и велел готовиться к пешему переходу. До города было не очень далеко по меркам пассажира, но не так уж близко по меркам пешехода.

Я с сомнением посмотрел сначала на наш багаж — тент, канистры с водой и мой рюкзак с его содержимым, — потом на Синана.

— Долгая свадьба научит танцевать! — назидательно изрек Синан, поплотнее заматывая на голове синий бурнус так, чтобы рот и нос были закрыты.

Около часа мы толкали машину, чтобы не бросать ее совсем далеко от города. Кажется, мы не протолкали ее и ста метров, но уже дико устали. Воду из металлической канистры мы перелили в пластиковую «гармошку», которая увеличивалась в объеме, когда ее наполняли. «Гармошку» Синан определил в свой рюкзак, но нести его заставил Абду. Остальные канистры мы оставили в машине.

— Может, все-таки подождем, пока стемнеет? — предложил я. — Толкать будет легче...

На меня посмотрели как на умалишенного.

Мы еще немного протолкали машину по направлению к городу и остановились у присыпанного песком остова грузовика «Берлие». Грузовик был когда-то цвета лазури и в колониальные времена, наверное, намотал на спидометр не одну сотню миль. Теперь он грустно темнел облупившимся синим пятном на фоне желтого песка, являясь зато прекрасным ориентиром.

Мы накрыли нашу машину тентом, набрали из канистр в пластиковую тару и фляжки воды, подкрепили силы, перекусив и попив вдоволь, и пошли в сторону города. Нельзя сказать, что это была приятная прогулка: как раз наступило «время, когда на базаре становится многолюдно», то есть полдень. Солнце подогревало мне спину так, что казалось, будто я не шел, а лежал на раскаленной сковороде. В ботинки набились песок

и камешки. Хотелось пить, и, когда кто-то доставал бутылку, пил сам и предлагал остальным, я уже не пропускал свою очередь. В голове как будто ворочался маятник.

Песен уже никто не пел, однако разговоры были оживленные. Я вслушивался, но ничего не понимал.

— ...Они лучшими были, когда у них ребята выкладывались как следует. А сейчас у них всё так себе, ни туда ни сюда!

— Ага! А марроканцев в деле видел? Вот эти парни знают, чего хотят!

— Ты еще про ивуарских вспомни!

— Да убогие они, твои ивуарцы, реально!

Почти у самого города мы встретили пастуха с козами. Координатор дал ему немного местных денег — угий и велел пойти по нашим следам к тому месту, где скучали останки грузовика и наша брошенная колесница. Пастух согласился и отправился со стадом к машине — сторожить до завтра.

У Синана постоянно спрашивали, который час, и он каждый раз терпеливо отвечал. На финишной прямой Абду подвернул ногу, перелезая через большой камень, чтобы срезать путь, и мне пришлось подставить ему плечо. Когда он наваливался на меня корпусом, становилось еще жарче. Однако метров через двести он расходился и дальше двигался уже сам, немного прихрамывая.

В город мы вошли ближе к закату, с южной стороны. Я отчетливо ощущал на своем лице застывшие потеки соли. Солнце быстро садилось за горизонт, перекрашивая песок и городские постройки в красный цвет.

Светофоры в городе не работали. По обочинам дороги были вкопаны в песок покрышки для карьерных грузовиков, выкрашенные в белый цвет с красными полосами. Мы миновали безлюдный колледж, ряды одинаковых, кофейного цвета одноэтажных домов с внутренними двориками и вышли на относительно большую и ровную улицу.

Обычно в это время, по вечерней прохладе, из домов начинали потихоньку выползать жители, открывались пыльные жалюзи парикмахерских, аптек и закусочных. Однако в этот раз на улицах было пустынно. Я надеялся, что мы сейчас дойдем до какого-нибудь хостела, где по крайней мере можно умыться. Но мои спутники свернули с центральной «авеню» в переплетения переулков...

На узкой пустынной улочке все вдруг замерли, прислушиваясь, и стояли так, казалось, целую вечность. Наконец Синан и братья оживились, явно услышав что-то. Прислушался и я. Где-то недалеко, в каком-то здании по соседству, гудела толпа.

Мы пошли на гул и оказались возле закусочной. Кривая жестяная вывеска содержала не самый высокохудожественный рисунок: окорок, фрукты, огромная банка кока-колы с огромной же трубкой для питья. Гул исходил оттуда, из-за вывески.

Мы вошли под сень заведения. Там уже сидело человек пятнадцать различного возраста.

Абду, а за ним и все мы поздоровались, сказав: «Мир вам!» Последовали продолжительные приветствия и объятия.

Нас устроили на стульях и матрасах вокруг стоявшего на пластиковом столе телевизора. Я огляделся: две стены были выкрашены в розовый цвет, на их стыке с облупившимся потолком змеился серый кабель, прикрепленный несколькими слоями скотча. Наверное, скотч время от времени отклеивался и тогда сотрудники заведения добавляли новые слои. На пол были брошены ковры, матрасы, какие-то покрывала с яркими веселыми узорами — все вполне годилось, чтобы на них сидеть. Кафе по местным меркам, скорее всего, считалось статусным, так как в нем имелся телевизор, и он даже показывал. Обычно в подобного рода заведениях даже стулья отсутствуют: люди сидят на полу или на корточках, и никто не жалуется.

Мимо посетителей в сторону кухни продефилировала тощая кошка. Из кухни пахло прогорклым маслом, однако там, как мне показалось, никого не осталось. Весь персонал, похоже, вышел в зал: две тетki в фартуках стояли у стеночки и хихикали.

Здоровый детина в спортивном костюме — штаны и олимпийка, а на ногах шлепанцы, — очевидно, только что закончил настройку телевизора и положил пульт рядом на стол. По телевизору транслировался местный канал. Корпулентная барышня в платье с узорами в виде карточных мастей заканчивала новостной блок.

Я примостился на матрасике кислотного цвета и достал из рюкзака спальник. Было приятно прислониться усталой спиной к стене: мое лежбище находилось в уголке закулочной. Хозяин заведения подал нам чай. Я поставил стакан с плавающим в нем листиком мяты на пол и попытался закутаться в спальник, не опрокинув при этом посудину. После дневного марша меня немного познабливало.

Вдруг шум и гул в кафе затихли, как будто кто-то выключил невидимый тумблер.

Я поднял глаза на телевизор.

На экране начинался тридцать первый розыгрыш Кубка африканских наций по футболу в Габоне...

Да, ради этого стоило прогуляться!

